

ВЕНЕЦ ТАРАКАНИЙ ТВОРЕНИЯ РАЙ

или

АНИ РАМ

18+

Ани Рам

**Венец творения,
или Тараканий рай**

«Автор»

2026

Рам А.

Венец творения, или Тараканий рай / А. Рам — «Автор», 2026

Что может быть общего у отчаявшегося человека и таракана? Одиночество. И способность чувствовать жизнь — пусть и с противоположных полюсов. В этом сюрреалистичном повествовании две параллельные сюжетные линии сплетаются в странный диалог, где мудрость прячется в самых неожиданных устах. Прошлое и настоящее переплетаются, явь и сны меняются местами, а финал ставит перед читателем вопрос, на который каждый ответит по-своему. Книга для тех, кто ищет в литературе не развлечение, а повод задуматься.

© Рам А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Не Конец.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ани Рам

Венец творения, или Тараканий рай

Часть первая. Не Конец.

1. Явь

Погода в этот злополучный день была великолепной! Вступившая в свои права весна щедро поливала город лучистым счастьем с украшенного причудливыми облачными фантазиями бирюзового неба. Земля успела проснуться, и сквозь островки пожухлой прошлогодней травы на волю полезла первая поросль новой жизни. Деревья покрылись молодой листвой, от липкой влаги которой всюду разливался пьянящий своей сладостью аромат. Всех и вся вокруг сразила вдруг разразившаяся эпидемия весенней паранойи: весело скакали по обочинам любопытные воробьи, сворами носились поддававшиеся витавшему в воздухе запаху любви собаки, великодушно взирали на мир вышедшие из подполья мудрые коты.

Не миновала лихорадка всеобщего пробуждения и высших существ: короткими юбками расцвели юные девчонки, завораживающей загадкой в улыбке состоявшиеся дамы, интригой в глазах молодые и не очень мужчины. Даже вездесущие старушки на лавочках сменили имидж многоопытного осуждения на более приличествующий ситуации образ снисходительной мудрости.

Радужные метаморфозы не затронули лишь Солодухина - его откровенно раздражало это невесть с чего распушившееся «великолепие». Он тяжело шагал по улицам вовсю цветущего и пахнувшего города, скрывая за темными стеклами очков пренебрежительно ненавидящий взгляд. Ну вот чему, чему они все радуются?! Можно подумать, на Земле впервые весна наступила. Ведь все одно и то же из года в год происходит! Меняются только лица и проблемы.

Он давно уж не бродил по улицам, не толкся в общественном транспорте, не ощущал столь резкого единения с миром. И сейчас, волею случая, окунувшись в это бурлящее эмоциями море, Солодухин вдруг растерялся, буквально физически прочувствовав собственное отчуждение от окружающего его сообщества людей. Мысль «Чужой!» ударив в мозг резанула глаза. Захотелось спрятаться, скрыться... Почему же так холодно? Или это только кажется? Осознав, что укрытия от окружившего счастья не найти, Солодухин прибавил шаг - домой! Практически вбежав в квартиру, прямо в куртке бросился на кровать и с головой накрылся одеялом. Думать ни о чем не хотелось, не думать было невозможно. А за стенами своим чередом петляла жизнь: где-то неистово лаяла оставленная «за хозяина» собака; кто-то поднимал себе настроение громогласным запевом зоновского фольклора; что-то с треском упало сверху – ни на минуту не прекращающаяся суeta суeta, поражающая своей бессмысленностью. Да и может ли вообще быть смысл у банального бытия? Пашешь от рассвета до заката как вол, вкалываешь, пытаешься чего-то добиться, а потом тупо сдохнешь! Закопают тебя, поплачут для приличия и сразу же начнут забывать. Вот и вся история. Точка.

А когда-то давно мама говорила ему, что жизнь – всего лишь путь, который надо пройти достойно для встречи с Создателем в Раю. «И он введет тебя в свой светлый дом, - проговорила она, ласково поглаживая его по голове шершавой от трудов и теплой от любви ладонью. – Там ты не будешь знать ни страха, ни печали, ни тоски». «И там у меня будет все, чего я захочу?» – спросил он ее тогда. «Там будет все, чего ты достоин», - ответила мама. Неожиданно всплывшее воспоминание о почти забытом разговоре вдруг всколыхнуло память теплой волной из прошлого.

... Вот он, пятилетний мальчуган, лежит, боясь шевельнуться, на своей скрипучей пансерной кровати. А за стенами бушует буря, с воем швыряя в окна неприступной для него крепости комья снега. И дом от такого натиска словно волноваться начал: подрагивали занавески, поскрипывали половицы. Вцепившись обеими ручонками в подушку, ставший заложником накатившего ужаса малыш из последних сил сжимал зубы, чтобы удержать рвущийся на волю из груди крик о помощи. И тут в комнату вошла мама: «Ты испугался?» Он было попытался сказать, что все нормально, что он уже большой и ничуть не боится дурацкой пурги, но стоило разомкнуть рот, и предательское рыдание стало невозможно остановить. Мама не застыдила, она просто легла рядом, и, прижав его к себе, стала тихо объяснять, что не стоит ничего в этой жизни бояться, кроме собственных необдуманных поступков и решений. Что только они имеют значение, а все остальное лишь сменяющие друг друга картинки. «Поступай по заповедям Божиим, и Господь всегда тебя поддержит, как бы трудно не пришлось», - говорила она. И от тепла маминых слов кошмар растворился, уступив место покою и сладкой неге детских фантазий, в которых похожий на сказочного Деда Мороза бородатый старик за руку вводил его в сияющий покоем и счастьем дом...

А сейчас его раздражал даже еле проникающий через толщу одеяла слабый солнечный свет. От защемившей грудь тоски хотелось выть. Но что толку? Мама не придет, чтобы утешить. И слезы теперь точно не помогут.

2. Он

Здесь я старожил. Изначально нас было много: веселыми стайками летала малышня, степенной поступью вышагивали старики, суетно бегали по своим будничным делам все остальные – жизнь текла размеренным чередом, и каждый новый день становился лишь продолжением предыдущего. Так было испокон веков, однако ж в детстве этого не ведаешь, в юности в это не веришь, а после... После детство как-то неожиданно заканчивается, юность резко обретает границы, а вместе с этим постепенно меркнут и краски мечты. Жизнь начинает представляться банальной суетой, главной целью которой становится борьба за существование. Достойная презренья скука, да и только... Я и сейчас отчетливо помню тот момент, когда, однажды проснувшись, явственно прочувствовал всю безысходность бытия. Это произошло на рассвете, когда вместе с первыми лучами солнца и разливавшимися по округе трелями птах мою голову вдруг пронзили философские размышления: к чему ведет весь этот реальный бред? В чем смысл жизни, и как с этим самым смыслом бороться?

Тогда, оглянувшись вокруг, я увидел лишь пустых созданий, готовых уничтожить себе подобных ради хлеба насущного – пищи, способной продлить их бессмысленную жизнь лишь на пару дней. А что такое пара дней по сравнению с вечностью?! Большинство из них уже завтра станут тленом, их место займут другие, а колесо бытия продолжит вертеться, сметая на своем пути обломки уже свершившихся судеб. Какими же глупцами представились мне окружающие! Нет, я их не ненавидел – я их презирал! Ах, как же порой они мне мешали! Ведь именно из-за них, стремящихся продлить свое никчемное существование, мне приходилось с головой окунаться в болото повседневности: бороться за кусок хлеба, за место под крышей, за луч солнца из наглухо закрытого окна реальности. В те времена я часто мечтал о возможности одиночества – желал полной свободы от окружающих меня существ, их требований и понятий. Но кто-то постоянно разрушал мои грезы своими бестолковыми претензиями и установками.

А потом наступил Великий мор, вихрем унесший всех близких и далеких. До сих пор не понимаю, как сам сумел выжить. Помню только, как слегка оклемавшись, я бродил вокруг, словно по ратному полю, где тут и там лежали скрюченные от боли трупы. Я смотрел на них, больших и маленьких, и безмерная тоска охватывала грудь. Почему они? Почему я? Зачем все это? За что? О, как же сложно было осознать, что именно таким образом сбылась моя мечта

об одиночестве! Пищи теперь было вдоволь, но она потеряла свой вкус. Места стало предостаточно, но что за радость в получении безграничных просторов, если их не с кем разделить? В то время я не однажды стремился найти свою смерть, но ее границы вдруг размылись, и однажды я понял, что Жизнь стала моим приговором.

Несмотря ни на что, я крепчал, в то время как мертвые обращались в прах. Их тени постепенно покидали даже мою память, а я продолжал существовать вопреки расплескавшейся вокруг смерти. Или назло жизни? Не знаю. Не ведаю. Но во всем этом должен был быть какой-то смысл! Иначе зачем?

Не стоит думать, что я не пытался изменить ставшую гнетом реальность. Я не раз покидал выжженные болью места, чтобы обрести новое пристанище. И там, где я появлялся, мне были рады. Безмерно, но недолго. Я снова и снова был обречен на осознание собственного внутреннего одиночества, как только жизнь окружающих, огибая меня, втекала в привычное русло. Я не бывал отвергнут, но неизменно становился чужаком, словно мазок на кальке реальности: можно ластиком подтереть или новой чертой поправить – в сущности ничего не изменится. Страдал ли я от этого? Вначале боль была резка, затем в Душе укоренилось безразличие. Лишь иногда не желающий обрести покой мятежный Дух рвался наружу в новой попытке самоизъявления. В эти моменты я становился навязчиво резок, пытаюсь привлечь внимание окружающих к собственной незаурядной персоне, но каждый раз Время указывало мне на тщетность сих стремлений. В один прекрасный момент дух успокоился, и я понял, что пришла пора возвращаться домой.

А здесь за время моего отсутствия практически ничего не изменилось – те же стены, та же обстановка, тот же солнечный свет сквозь тусклые стекла окна. Все осталось прежним, лишь я стал иным. До исступления знакомые места воскресали в моей памяти картины давно минувших дней: они чередой пролетали сквозь воспаленное сознание, словно кадры старинных черно-белых фильмов – столь же светлые, сколь и трагичные. Здесь я наслаждался надуманным величием одиночества души, здесь же постиг и скребущую тяжесть одиночества сердца. Именно на этом месте я когда-то давно пытался понять смысл собственного существования, теперь я вернулся сюда же, чтобы наверняка осознать бессмысленность сих душевных терзаний. Потому что нет его, смысла-то. Есть только жизнь, и смерть. Друг без друга они ничто, вместе – необоримое единство, скрыться от которого еще никому не удавалось. Потому что так Есть.

3. Сон

... Ему еще предстояло преодолеть девять километров пешком по проселочной дороге. Ах, как же приятно идти по укатанной автомобилями и тракторами грунтовке! Каждый шаг поднимает в воздух недолговечные облачка пыли, которые ласковой теплой пеленой оседают на его ногах. Он идет босой? Даже не заметил...

Легкий ветерок небрежно треплет ветви растущих по обочинам диких яблонь. Странно, но он был уверен, что все они давно погибли – замерзли лютой зимой, еще когда он был ребенком. Оклемались? Или новые выросли? Как бы там ни было, но сейчас усыпанные белыми цветами красавицы, совершенно не обращая внимания на баловство воздушного хулигана, важно перешептываются между собой, кивая в такт разговору словно снегом припорошенными ветвями.

Вот из-за пригорка показалась речка. Как и десятки лет назад она течет, лаская свои берега, и словно само время умерило здесь свой бег поддавшись желанию насладиться безмятежностью этой бескорыстной любви.

Наверное, именно так должно бы быть в Раю: просто, светло, легко. И обязательно знакомо. Чтобы каждая малозначимая на первый взгляд деталь рождала в душе окрыляющий бла-

гоговейный трепет от соприкосновения с очевидностью непреходящих ценностей, и в то же время не отпугивала чуждостью постороннего уклада. Привычка часто обращается бичом, но все же лишь в неизменности привычного обретается покой.

Ах, как же давно он здесь не был! Когда-то на берегу этой самой реки он удил рыбу вместе с ватагой соседских пацанов. На этом месте и сейчас расположилась группа юных рыбаков. Двое из них сидели возле самой воды и упорно следили за нежелающими двигаться с места поплавками. Несколько ребят, усевшись в круг, азартно метали ножички. Еще один мальчуган лежал на траве, закинув ногу на ногу и накрыв широкополой шляпой лицо.левой рукой он заменял себе подушку, правой же лениво поглаживал развалившегося рядом огромного лохматого пса. Что-то неуловимо знакомое прослеживалось в его расслабленной позе. Или все дело в собаке? Уж очень напоминал этот пес их дворового Полкана: тот же окрас, та же меланхолия, и, похоже, та же преданность.

Полкан был постоянным спутником его детских забав и верным охранником: ни один деревенский забияка не смел задеть его в ту пору - знали, Полкан хозяина в обиду не даст. Потом пес умер. Неизвестно отчего. Поговаривали, будто отравили. Первую потерю всегда сложно принять – он и не мог: каждый раз вздрагивал, как только поблизости раздавался собачий лай. Все стихало, а на глаза неизменно наворачивались слезы – с первым приходом смерти всегда сложно смириться. Еще труднее было сносить ухмылки и колкости вечно пьяного соседа: «Ну что, собачий хвост, все носом хлюпаешь? Надо было раньше твою псину замочить, чтоб людям жить не мешала! Научишься теперь, небось, людей уважать!» Так повторялось раз за разом, день за днем, месяц за месяцем. Полкан уж давно объединился с землей, а сосед все никак не успокаивался, пока однажды ночью у него не загорелся дом... Виновных не нашли, но мать на всякий случай отправила его «подальше от греха» в город к своей сестре.

Вихрем пронесшиеся воспоминания вновь окропили глаза, а он все не мог оторвать взгляда от открывшейся ему идиллии, пока между ними не встал холм.

Деревня. Осталось пройти две улицы. Последний поворот. Вот и знакомый зеленый забор с вечно скрипящей калиткой. И мама на лавочке возле слегка покосившегося деревянного дома в окружении своих обожаемых кошек.

- Витюша, родной!

- Ну, здравствуй, мать! Как ты тут?

- Да что со мной станется! Ты то, сам, как, сынок? Случилось чего?

- Да нет, все нормально.

- Ну, слава Богу! Да чего ж я тебя на пороге держу? Ты ж, верно, голодный?

- Да, съел бы чего-нибудь.

- А я как чувствовала – целую кастрюлю борща сегодня наварила. Вот сижу и думаю, куда мне столько одной-то? А тут такая радость!

Чашка сдобренного деревенской сметаной наваристого борща с куском душистого домашнего хлеба – что еще нужно для счастья? Разве только мама рядом, с ее всепонимающим взором и всепрощающим сердцем.

- Ну как живешь, сынок?

- Да все по-прежнему, живу - не тужу.

- Все так же бобылем? Видать, не дожидаться мне внуков...

- Давай, мать, об этом не будем!

- Ладно, ладно, не будем... А у нас баба Вера померла. Помнишь ее? Все сладостями тебя баловала в детстве.

- Помню, конечно. Хорошая она была.

- Теперь в нашей деревне я самая старая. Видать, скоро и мой черед придет...

- Ну хватит глупости говорить!

- Да какие уж тут глупости? Чую я, пора мне уж.

Мама встала, подошла к небольшому настенному зеркалу, поправила платок.

- Мать, ты куда собралась-то?

- Пора мне.

Она направилась к двери, обула на босу ногу собственноручно бисером расшитые свои любимые тапочки, на пороге обернулась.

- Я пойду, а ты следи за собой, Витюш. Иначе будешь уволен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.